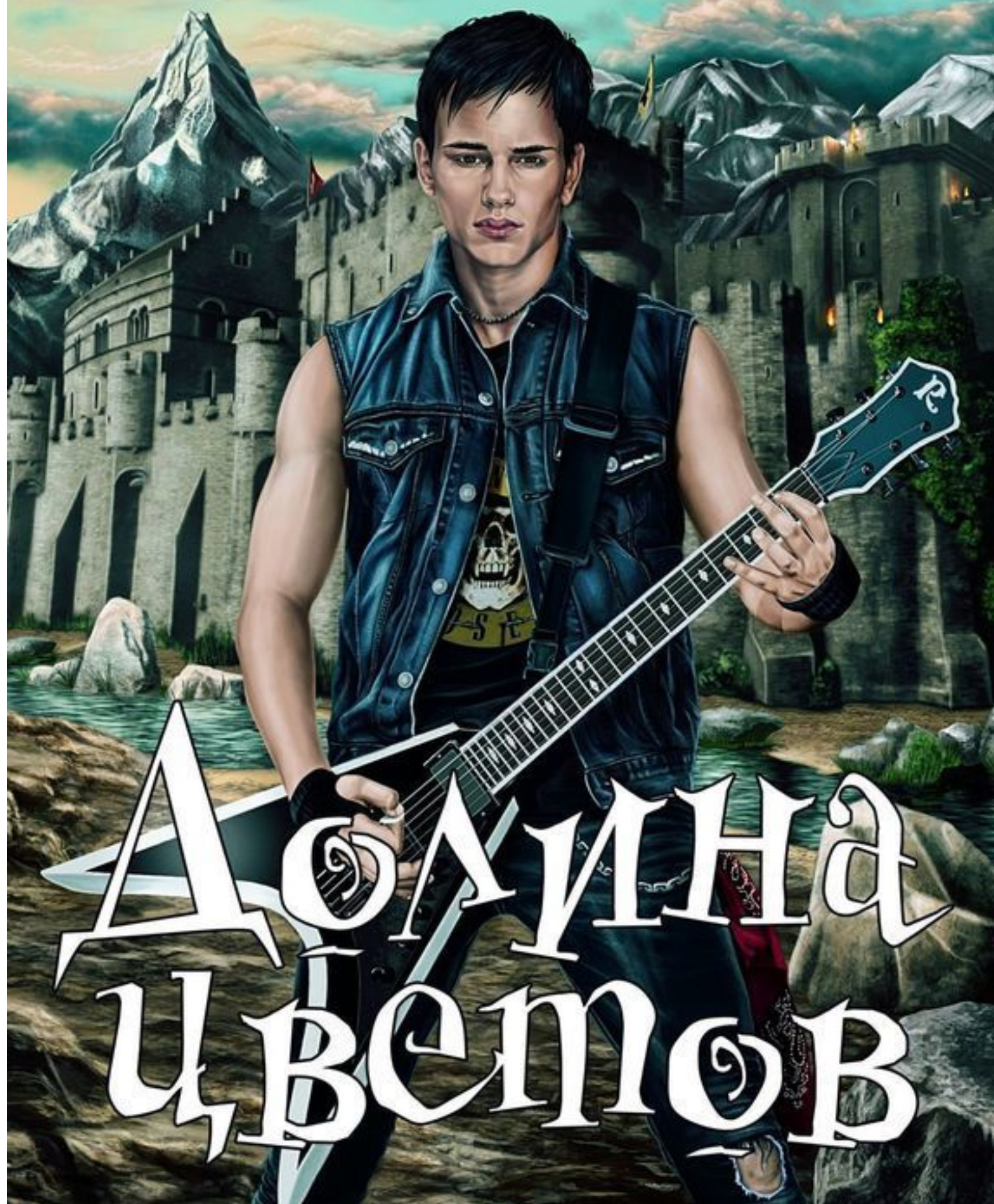

АРМАН БАЏИМУХАНОВ

Арман Баймуханов

Долина цветов

«Издательские решения»

Баймуханов А.

Долина цветов / А. Баймуханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837817-1

Главный герой повести — подросток рок-музыкант Алик, который волей случая попадает в параллельный мир. Чтобы вернуться домой, Алику нужно попасть в Долину цветов, в которой каждый цветок — это душа человека. А если вдохнуть аромат цветка, то можно за мгновение пережить всю жизнь человека.

ISBN 978-5-44-837817-1

© Баймуханов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1. Переезд	7
Глава 2. Город	9
Глава 3. «Бригадир»	11
Глава 4. Катя	13
Глава 5. Группа	14
Глава 6. «Ба»	15
Глава 7. Первая репетиция	17
Глава 8. Музыка	19
Глава 9. Вечеринка	21
Глава 10. Встреча с Катей	24
Глава 11. Свидание	26
Глава 12. Переживания	28
Глава 13. Первый концерт	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Долина цветов

Арман Баймуханов

Дизайнер обложки Арман Баймуханов

© Арман Баймуханов, 2017

© Арман Баймуханов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7817-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

Он был слегка кудряв. Голубые глаза, потонув в глубине мысли, смотрели в никуда. Антон не видел, что рисовала зажатая в его руке шариковая ручка. Она просто выводила на поверхности парты непонятный рисунок, идея которого рождалась по ходу того, как школьник наносил штрихи.

– Новое предложение, с красной строки: «На купольных цепях крестов и на розовых монастырских стенах лохматился иней, бородатый, как плесень. На купольных цепях крестов...»

«Художник» открыл тетрадь. Он давно уже хотел начать писать книгу, идею которой вынашивал длительное время. Длительное от того, что всякий раз, при мысли о том, какой труд его ждал впереди, у в нем возникала неуверенность в себе, и желание сотворить нечто грандиозное и, необычное отступало назад. Поэтому Антон все время откладывал.

Но он мечтал. Он думал о сюжете, пытался его прочувствовать, представлял себе то, как держит в руках свою книгу с яркой, цветной обложкой. Почему у него было желание написать ее – Хухлачев не мог объяснить. Ему так просто хотелось, и это желание исходило из глубины души, из самого подсознания.

«Ю-ра вгля-дел-ся в ту сто-ро-ну и по-нял...» – слишком четко выговаривала учительница русского языка текст пробного диктанта.

Хухлачеву казалось, что он сейчас заснет. От лени, которая заполнила все щелочки школьного класса, в нем стояла такая тишина, что был слышен шорох ручек, выводивших на бумаге неровный прописной текст.

Перехватив подозрительный взгляд педагога, подросток уткнулся в тетрадь. Он как можно убедительнее сделал вид, будто внимательно пишет диктант. Чтобы это выглядело лучше, Антон старательно вывел на бумаге первое, что пришло ему на ум: «За селом, если пройти сотню метров по дороге, ведущей в город...»

Глава 1. Переезд

За селом, если пройти сотню метров по дороге, ведущей в город, есть небольшой холм. Один его край заканчивается отвесным обрывом, под которым течет бурная горная речка. Алик любил приходить сюда, когда ему становилось грустно или хотелось побыть в одиночестве. В это место почти никогда не приходили люди. И он мог долго сидеть и смотреть, как на другом берегу реки снуют туда-сюда по трассе машины.

Занималась весна. В этом году она была ранней. Всего лишь две недели прошло с того момента, как закончился февраль, а снега будто бы и не бывало – земля уже была сухой. Да и зима то была – одно название «зима»: все три месяца погода стояла теплой. И редко выпадавший снег, быстро превращаясь в слякоть, тут же таял.

Алик сидел, прислонясь спиной к большому валуну. Его лицо обдувал теплый, влажный, пахнувший весной ветер. Это был шестнадцатилетний парнишка, не по годам серьезный, с благородными чертами лица, которое часто выражало грусть. Его брови над красивым, ровным носом, были всегда слегка напряжены. А карие глаза, мысль в которых, казалось, парила где-то вне земли, окаймляли длинные, черные ресницы. Паренек уже около получаса сидел не шевелясь. На этот раз он не смотрел на проезжавшие, на той стороне, машины. Его взгляд был направлен туда, где сходилась с землей горизонт.

В тот момент он думал о том, что рабочие, нанятые теткой, уже, наверное, загрузили в грузовик скудный скарб, который должен был быть перевезен в соседний город, где и предстояло отныне жить Алику.

Своих родителей он не помнил. Тетка, с которой он прожил всю жизнь, рассказывала, что, когда он был маленьким, отец бросил мать с грудным ребенком. Спустя некоторое время мама скончалась от болезни. Кроме тетки родственников у Алика не было. И шестидесятилетняя женщина с советской закалкой, никогда не возражавшая «насчет выпить», взяла на воспитание племянника к себе.

Впрочем, выпить любили во всей деревне. В поселке, где люди, из-за безработицы, зарабатывали деньги на жизнь как могли, не было ни одного зажиточного человека. Местные собирали металл, чтобы позже, в городе, сдать его в пунктах приема. Работали на колхозных полях, где арендаторы рассчитывались только товаром: помидорами, огурцами, свеклой, картошкой. Многие из мужиков на лето уезжали работать в город. Там они чаще всего нанимались на стройку. Сразу на три месяца, в конце которых им платили зарплату.

Тетка Алика работала сторожем в магазине, который был один на весь поселок. Жили они с Аликом на её маленькую зарплату и сиротское пособие Алика. Пенсию Клавдия Петровна еще не получала – до пенсионного возраста ей оставалась несколько лет.

Тетка нередко ругалась на продажное, как она говорила, совсем не заботившееся о народе, правительство. Алик не понимал, почему она обзывает его «тупым» и почему с болью в сердце вспоминает Советский союз. «Вот, тогда жизнь была!» – то и дело вставляла Клавдия Петровна.

Паренек встал. Пора уже было идти к дому – унылому трехэтажному зданию с черными окнами-глазами. Он брел, слушая, как под подошвами шуршали камешки. Мимо дороги, ведущей в город, шипя шинами проносились автомобили. Каждое такое шипение Алик сравнивал с шуршанием камешков. «Ш-ш-ш...» – шипели машины. «Шхрык!» – дополняли подошвы Алика.

Возле дома рабочие уже заканчивали грузить мебель в кузов грузовика. Тетка прощалась с соседями. Алик же ни с кем не прощался. Еще вчера он сказал своим друзьям, что переезжает. И непременно обещал в будущем приехать в гости. Сейчас же видеть никого из друзей ему не хотелось – на душе и так «скребли кошки». Да и насчет своего будущего визита он очень

сильно сомневался. Почему-то ему совсем не хотелось возвращаться в эту унылую деревню. Пусть даже на один день.

Последний шкаф был погружен в кузов и «Зил» затрясся от пуска двигателя. Алик сел в кабину вслед за Клавдией Петровной. Машина, заскрипев передачей, тронулась с места, сердце Алика пронзила тонкая струйка грусти.

В пути он много раз оборачивался назад, глядя на то, как его поселок становилось все меньше и меньше. И вот впереди показался поворот, за которым, родное село должно было навсегда исчезнуть с глаз. На этот раз Алик голову поворачивать не стал – дорога сама вывернула так, что деревня оказалась перед взором. Через несколько секунд село навсегда исчезло с глаз подростка.

Глава 2. Город

Городок, куда переехал Алик, был небольшим. Здесь жили, примерно, около сорока тысяч человек. Но все равно, это было не захолустное село в пятьдесят дворов. И Алик это чувствовал – в городе была другая атмосфера. Здесь все было ново для него – здесь были другие люди, было много магазинов, кафе, парикмахерских.

По приезду, тетка весь день чистила новую квартиру, расстилала ковры, стелила постель. Алик сидел на подоконнике, и все время смотрел в окно, лишь изредка отрываясь от своего занятия, чтобы помочь тетке передвинуть с одного места на другое кресло, диван, тумбочку или что-то еще.

Клавдия Петровна все время, что наводила порядок, говорила, что теперь у Алика будет много новых друзей, что он пойдет в самую лучшую в городе школу, которая находилась совсем рядом с их домом.

В этот же день Алик первый раз в жизни побывал в парикмахерской. В их деревне, посещать парикмахерскую было неслыханной роскошью.

В салоне приятная девушка очень долго водила машинкой для стрижки волос по его голове, мягко поправляя ее, когда последняя наклонялась вбок. Честно говоря, Алик чуть не уснул – так ему было приятно то, что по его голове ходила туда-сюда машинка, невольно делая ему массаж.

Новая стрижка Алику очень шла. И ему показалось, что он стал красивее.

На следующий же день тетка устроилась на работу – в швейную фабрику, шить одежду. Клавдия Петровна не раз рассказывала племяннику, что при Союзе работала швеей. «Ох, и зарабатывали мы тогда. Не то, что сейчас – колбасы не на что купить» – говорила она.

На новом месте ее жалование было в десяток раз больше прежнего.

– Вот, поработаю я пару лет, а там и на пенсию будет пора. Будет у нас моя пенсия, плюс твое пособие. А работу я бросать не собираюсь. Мне еще работать и работать. Окончишь школу пойдешь в университет. Станешь умным, большим человеком, Алюшечка! – сказала Алику на второй день, как устроилась на новую работу Клавдия Петровна.

К обеду следующего дня Алик почувствовал, что просидеть еще раз с утра до вечера на подоконнике ему будет невмоготу. Тетка была на работе. И он решил познакомиться поближе с окрестностями. Да и за одно, может быть, познакомиться с новыми друзьями.

Набросив куртку и кепку, он сбежал со второго этажа по лестнице, не забыв при этом ловко прокатиться по перилам. Во дворе, в песочнице, громко споря о чем-то, возилась детвора. На лавочке соседнего подъезда сидели несколько старушек, обсуждая последние дворовые сплетни.

Алик теперь жил в одном из самых обычных городских микрорайонов. Здесь было очень много припаркованных машин, на свалках мусора копались беспризорные собаки, лениво, о чем-то мысленно рассуждая, мел метлой асфальт дворник. Сделав по микрорайону пару кругов, Алик почувствовал еще большую скуку. За все время он не встретил ни одного сверстника. Вернувшись в свой двор, он обнаружил, что здесь ничего не изменилось: на лавочке продолжали судачить бабки, дворник дometал тротуары. Досадливо вздохнув, подросток направился в сторону своего подъезда.

Быть может Алику и пришлось бы остаток дня провести на подоконнике, если бы ему навстречу в этот момент из своего подъезда не вышла тетя Галя.

В этот день она как раз собралась разобраться с банками, в которых заготавливала на зиму соленья. Банок у нее скопилось целая уйма и чтобы хоть как-то освободить место в кладовой, тетя Галя решила их помыть.

Прошлой осенью Галина взяла несколько склянок у своей подружки. Взять-то взяла, а вернуть одолженное – позабыла. Теперь же сердобольная женщина корила себя и свою стареющую память за такую, как она любила выразиться, «некрасивую» оплошность.

Взяв в охапку, как можно больше банок, Галина торопливо направилась в соседний подъезд, к своей закадычной подружке – бабке Мацухе.

Навстречу тете Гале шел незнакомый подросток. Лицо его было серьезным и одновременно грустным. В глаза сразу же бросались длинные ресницы.

Засмотревшись на необычного паренька, тетя Галя совсем забыла глядеть под ноги, неожиданно споткнулась и... также неожиданно оказалась в объятьях Алика.

Конечно, если бы Алик не подхватил ее на руки, то она бы упала и неминуемо разбила бы банки, которые прижимала к груди и изранилась бы об скляночные осколки.

Тетя Галя по-настоящему была благодарна своему спасителю. И приказала ему сейчас же зайти к ней на чай с шоколадными конфетами и ее любимым печеньем, которое она испекла сама.

Алика, долго уговаривать не пришлось. Он помог тете Гале донести банки до места назначения и спустя некоторое время уже сидел за столом в квартире новой знакомой и отхлебывал ароматный, душистый чай, закусывая его вкусным тетей Галиным печеньем.

Галина рассказала, что живет с мужем – Аркадием или Кешой, как его все называли, и дочкой – Катей.

– Катенька сейчас у нас в летнем лагере. Все интереснее, чем блукать по микрорайону. А загорела-а-а-а! Мать моя женщина... Смугленькая стала, крепенькая, – показывая альбом с фотокарточками рассказывала она.

Алик не мог не обратить внимания на необычайно красивую, голубоглазую девочку. У нее были пышные, длинные волосы черного, словно смоль, цвета. В сердце подростка что-то кольнуло. Грудь сдавила непонятно откуда взявшаяся грусть. Пить чай ему тут же захотелось. Захотелось убежать домой, забиться куда-нибудь в угол... А еще больше он хотел бы, чтобы Катя сейчас сидела с ним рядом вот за этим столом...

– Теть Галь, спасибо за чай, – задвигая табуретку под стол, сказал он. – Я уже напился...

– Как же, как же... – засуетилась Галина, – Что же ты так быстро?

У Алика все помутнело в глазах. Слова тети Гали доносились ему словно из глубокой, очень глубокой пещеры. Накинув свою курточку, которая висела на вешалке в прихожей, подросток выскочил за дверь и побежал к себе домой. До самого сна он только и думал, что о Кате.

Глава 3. «Бригадир»

Утром Алику проснулся от ругательств. Ругалась та самая бабка Мацуеха. Она жила в одном подъезде, на одной площадке с Аликом и Клавдией Петровной. Пожилые женщины легко сдружились и пили на кухне чай, когда за стеной раздалось непонятное, скрежежущее полувитье-полувизг.

– Ах, Борька, негодник! Опять свою эту шарманку с утра пораньше завел. Ну, я тебе сейчас задам расхитряй ты этакий! – рассыпавшаяся в угрозах Мацуеха гневно направилась к двери.

– Борька! А ну открывай! Опять с утра пораньше ты свою чертовскую музыку играешь. Людям спать порядочным не даешь. У-у-х, отец из рейса приедет, я ему все расскажу. Задаст он тебе порки! – тарабаня в дверь сухими кулачками, кричала на весь подъезд Мацуеха.

Скрежетание за стенкой стихло.

В коридоре соседней квартиры послышались осторожные шаги. Смотровой глазок двери потемнел. Затем настала гробовая тишина.

Женщины продолжили чаепитие.

– Играют свой рог, – надкусывая кусок рафинаду, деловито пояснила Мацуеха, – и как слушать можно такую музыку? И трахают и бахают. На прошлой неделе вон Трофимыч весь извелся на нервы. Чуть insult не получил. Так ведь на нервы ой как давит-то нам пожилым, – приврала для краски Мацуеха. Заядлый рыбак дед Трофимыч с самого февраля укатил к себе на дачу, которая в аккурат находилась рядом с прудом. К слову сказать, на этот пруд съезжались рыбаки со всей округи.

Алику стало интересно глянуть на Борьку, играющего по утрам, как выразилась бабка Мацуеха, «рог».

Ждать долго не пришлось. После обеда Алику отправился на прогулку. Его голову все также занимали мысли о Кате.

На лестничной площадке он увидел парня лет семнадцати. Парень был высок, худощав. Вытянутое лицо на добрую половину прикрывали курчавые волосы. К губам прилипла медленно тлеющая сигарета.

– Здагова! – завидев Алику баритониста прокортавил парень. – Новенький сосед?

– Да. Меня Алику зовут.

– А меня Бахадиг, – протянул новый знакомый ладонь Алику. – Очень Пгигтно!

Тут у Бахадира затилинькал, тонкой мелодией из какого-то кинофильма, сотовый телефон.

– Ща. Секунду, – кивнув и потянув кверху палец сказал он Алику.

«Эй, Бригадир», – послышалось в динамике трубки, – «лети скорей на репу. Дело есть на мильон».

– Да, да иду уже, – отвечал тот, – Пойдешь со мной? – уже обращаясь Алику спросил он, – тебе интегесно будет. Пошли!

Алику мотнул головой в знак согласия, ему не хотелось гулять по микрорайону в одиночестве, как это было вчера.

Они шли быстро шагая. По дороге Бахадиг рассказал, что Бригадир – это его новая кличка, которую пытается всем навязать парень из их рок-группы. Бригадир называл его Санчесом, видимо потому, что последнего звали Александром.

Алику стало интересно – у него никогда не было знакомых ребят, которые играли бы в рок-группе

Пройдя через парк, Алик с Бригадиром вошли в большое здание, которое по высоте было с три этажа. Они долго шли по коридорам. Затем спустились в темный сырой подвал. В коридоре подвала стоял грохот, от исходившей из одной из комнат тяжелой музыки.

Бригадир распахнул дверь. Алик впервые в жизни увидел репетиционную базу рок-группы. «Комогка», как назвал ее Бригадир.

Полы в коморке были застелены серым ковrolаном. Стены полностью завешаны лотками, в которых в магазинах хранят куриные яйца. А потолок завешан плотным материалом, напоминавшим тяжелые оконные занавески.

Комната была в форме вытянутого четырехугольника. Размером, примерно в пять метров в длину и три в ширину. У стены, что была напротив дверного проема, на подставке, напоминавшую маленькую сцену, стояла барабанная установка. Справа от нее расположился диван и кухонный уголок со столом в центре.

Весь стол был исписан фразами, вроде «Здесь был Вася», «Ребята, вы лучшие» и тому подобное. Комнату заливали светом разноцветные фонари, свисавшие с каждой стены.

– А это кто? – кивнув в сторону Алика, с интересом спросил Бригадира рыжий барабанщик.

– Мой сосед, – обняв за плечи нового знакомого, сказал Бахадир, – знакомьтесь!

В коморке вновь загрохотала музыка. Пополнившаяся на еще одного участника группа, казалось, решила на куски разнести звуком стены репетиционной комнаты.

Особое внимание Алик обратил на барабанщика. Тот с остервенением колотил по ударной установке. Чем больше подросток сидел на диване и слушал музыку, тем больше он испытывал непонятное, приятное ощущение. По его телу то и дело прокатывался мороз. В груди, казалось, вспыхивал огонь.

– Дра-а-а-йв! – тяжело бросив на передние барабаны руки, кисти которых были затянуты в перчатки с обрезанными пальцами, прохрипел насквозь взмокший рыжий барабанщик во время перерыва. Как позже оказалось, он-то и был тем самым Санчесом.

Алик вернулся домой глубоким вечером. Проведенным временем, в гостях у рок-группы он был доволен. Про Катю, увлеченный новыми событиями, он совершенно забыл. Она возникла в его мыслях в тот момент, когда он утомленный своим дневным путешествием, засыпал на мягкой подушке.

В этот момент за стенкой вновь «затилинкал» телефон Бригадира. Он взял сотовый, ткнул пальцем на одну из его клавиш. На маленьком, разноцветном экранчике высветился текст: «Слушай, а может, действительно, твоего нового знакомого в группу пригласим? Времени искать профи в нашем „колхозе“ ведь нет. Научим с нуля. Как думаешь?».

Глава 4. Катя

Кирбас с Мумуней сидели на лавочке в парке, том самом, где находилась «репетиционка» их группы. Гарик плевал себе под ноги шелуху от семечек. Мумуня прихлебывал сладкий кефир с таким же названием, как и его прозвище. Последнее и «приклеилось» к нему из-за того, что он очень любил вышеназванный кисломолочный продукт.

День близился к полудню. Солнце, стоявшее почти в зените, сильно пекло и, даже тень от ели, растущей рядом с лавочкой, не спасала от духоты.

– М-м-м... Глянь кто идет! – промычал Мумуня отхлебывая кефир.

Кирбас повернул голову в ту сторону, куда был направлен взгляд Арсения. По аллее, приближаясь к ним, шагала девушка, с пышными, длинными волосами темного цвета.

– Слышал, с лагеря она недавно приехала. Эх, такая красивая, а общается с кем попало, – со вздохом процедил Кирбас.

– Наркомашки-алкоголики?

– Мгм, тип того...

Дальше Кирбас продолжать не стал. Катя была уже слишком близко и могла услышать оскорбления в свой адрес.

– Приве-е-ет! – махнув ручкой, протянул она. – Что сидим?

– Дарова, – за двоих отвечал Мумуня. – Просто так сидим, – снизил он тон.

Катя присела на лавочке рядом с ребятами. Те, в свою очередь, едва заметно насупились.

Так они в молчании просидели втроем несколько минут. Кирбас, казалось, с огромным интересом разглядывал спичинку, словно в ней было что-то такое, чего он никогда в своей жизни не видел.

Мумка сопя ворочался на лавочке, явно не находя себе места.

– Да-а-а.. странные вы! – сказала девушка, поднявшись с лавочки. – Неинтересно с вами, – бросила она и зашагала прочь.

– Ну, да. Тебе совсем другие интересны! – фыркнул Кирбас.

Мумуня, глядя ей вслед, отхлебнул кефира.

Глава 5. Группа

- Алюша, Алюша, вставай! К тебе пришли.
- Ммм?... – недовольно потянул Алик, сонно потягиваясь на кровати.
- Вставай, я тебе говорю... – не унималась тетка.

Алик разлепил глаза. В окно било лучами утреннее солнце. Вылезать из под теплого одеяла ему совсем не хотелось.

– К тебе парень-сосед пришел. Говорит, срочное что-то. Разбудить просил. Вставай говорю, ждет же человек. Иди, выйди к нему.

Лениво надев на ноги домашние тапочки, Алик пошлепал в подъезд. На лестничной площадке его ждал Бригадир.

- Салам, Алёк! Дело есть на миллион, – интригуяюще начал он.
- Что за дело? – еще не проснулся Алик.

Однако Бахадир молчал, тщательно вглядываясь в лицо Алика, будто пытаясь предугадать, что ответит он ему, задай Бригадир Алику очень важный вопрос.

- Ну, не томи уже раз начал, – зевнул Алик.
- Кагоче, – начал Бригадир. – Нам человек нужен в круппу. Сечёшь?
- Секу. Только я тут причем?
- Как это пгичем. Икгать на чем-нибудь умеешь?
- Нет. Разве что на нервах...

– А научится, не хочешь? Да это егунда, – как-то спохватился Бахадир, – Желание было бы, остальное – егунда. Так что?

– Ну, я даже не знаю, – начал приходить в себя Алик. Он действительно не знал – мысли в голове путались: «Какая игра? Какая группа?» Все было уж слишком стремительно и неожиданно.

– Ну, так думай, да отвечай. Не тяни! Знаешь: вгемя – деньги, говогят. Вот. Имей ввиду! – хлопнул тот его по плечу.

- Ладно, я подумаю, – собрался назад в постель Алик.
- Нет, когеш, ты что! Ответ нужен пгямо сейчас. Вот пгямо здесь и сейчас.
- А к чему такая спешка-то? – удивился Борькин сосед – Что на самолет что-ли опаздываем?

- Ну, может быть и на самолет!
- Буду! – отмахнулся Алик.
- Вот и О'кей. Сегодня к шести ждем тебя.

Борька скрылся за дверью своей квартиры, оставив Алика одного на лестничной площадке. Тот, наконец, отойдя ото сна, пытался «переварить» полученную информацию. «Интересно...» – подумал он – «...группа. Интересно...»

Постояв в подъезде некоторое время, Алик зашел домой. Спать ему расхотелось.

Глава 6. «Ба»

К десяти часам утра весеннее солнце сменилось тяжелыми свинцовыми тучами и с неба, сначала по одной капле, и затем все больше и больше, пошел дождь. Через уже каких-то пятнадцать минут землю заливал настоящий ливень. Впрочем, такие капризы природы, в это время года, для юго-восточного Казахстана – обычное дело.

Бахадир стоял у окна, широко расставив руки на подоконнике и, смотрел через заливающееся струями окно на то, как по тротуарам бежали вымокшие до нитки прохожие, для которых непогода оказалась полной неожиданностью. Паренек по-настоящему сочувствовал беднякам.

Он был одет в куртку. На подоконнике лежал зонт, который Бригадир легко сжимал одной рукой. Подросток повернулся, взял во вторую руку увесистый, набитый вещами большой пакет и направился к прихожей. Пройдя полпути, он остановился. Торопливо поставил к стене зонт, бросил толстый пакет. И принялся рыться за диваном, стоявшим в комнате, где Бригадир еще пару секунд назад стоял у окна. Из-за дивана он вытащил еще один такой же пакет и, такой же набитый, как и пакет, рюкзак. После чего вновь направился в прихожую. Рюкзак он взвалил на плечи. В руки взял пакеты и вопросительно уставился на зонт. Свободного места в руках не оставалось. Безнадежно вздохнув, Борька направился к двери без зонта.

Он быстро сбежал по лестнице. На секунду задержался, разглядывая открывавшуюся из-под бетонного козырька подъезда хмурую картину непогоды и, поежившись, нырнул под струи дождя.

Дождь казался холодным только первое время. Пока Бахадир, также как и виденные им из окна прохожие, не промок до нитки. Тогда, стекающая с головы по шее, животу и по ногам вода, показалась ему теплой. Одежда быстро стала тяжелой. Однако Борька продолжал энергично шагать. Он шел дворами, будто пытаясь запутать след.

Бахадир шел долго. Спину ему сдавил рюкзак, дыхание участилось. Наконец, в одном из дворов многоэтажек, он свернул в ряды ржавых, почти черных, от того, что их металлические стены намочило водой, гаражей и загромычал по пустым жестяным банкам из-под малярной краски. Несколько раз он сворачивал с одного ряда на другой, выбирая нужное ему направление. Перед небольшим, покосившимся, деревянным сарайчиком Бахадир остановился. Оглянулся по сторонам и, толкнув скрипучую дверь, вошел внутрь.

Единственная комнатка, из которой состоял сарайчик, освещала керосиновая лампа. Комнатка не имела ни одного окошка и, потому, в ней стоял полумрак. В углах причудливо скакали языки, которые отбрасывала керосинка. В сарайчике было тепло.

– Ба, ты жива? – стаскивая с плеч рюкзак и, при этом, вглядываясь непривычными к полумраку глазами, куда-то в сторону, произнес Бригадир.

В стороне, куда Борька направил свой слепой взгляд, послышалось движение. После чего старушечий голос протянул:

– Жива-а еще. Жива...

– А я, вон, белья тебе чистого пгинес, еды... – принявшись разгружать рюкзак, произнес Бригадир. – Стагое белье-то, давай, подымайся, я стяну. Забегу его. Пагни, вон, его постирают тебе. А-то кяззное-то уже, поди.

– Да грязное, грязное, – согласился старушечий голос. – Встаю Боря, встаю.

Сухонькая старушка поднялась, оперлась на костыль. Седые волосы она прибрала под накинутый на голову платок.

Глаза Бахадира привыкли к полумраку и, теперь, он мог подробно разглядеть знакомую обстановку.

Напротив двери, в которую он вошел, стоял деревянный стеллаж, некогда сооруженный для того, чтобы на нем хранить соленья. На стеллаже расположились выдавшие виды кастрюльки, пара алюминиевых кружек, сковорода. Тут же стоял металлический цилиндр, служивший подставкой для ложек и вилок. Кроме этого, на трех полках, из которых и состоял стеллаж, был и другой, нехитрый кухонный инвентарь.

Тут же были и продукты: крупы, вермишель, чай, сахар, соль и другое. На полу, под нижней полкой проглядывались несколько мешков. По очертаниям-«шишкам» было похоже, что в мешках были овощи. Это так и было: на полу лежали полмешка картофеля, лук и морковь.

Справа от стеллажа с продуктами и посудой, стоял тяжелый, грубо выкрашенный в голубую, половую краску, сундук. Между сундуком и той стеной, в которой находилась дверь, которая была единственной в сарайчике, втиснулась еще одна, чуть шире первой, деревянная стойка для солений. Только ее верхние уровни были спилены так, что стеллаж был переоборудован в топчан. Сейчас топчан был застелен матрасом и постельным бельем, которое, как только встала старушка, и начал стаскивать Бахади́р.

Напротив постели стояли переносная печка, в народе называемая «буржуйкой», на которой лениво посапывал почерневший, алюминиевый чайник.

Рядом с печкой стояли газовая плита и стол с тремя стульями. Пол же комнаты, который не был застелен досками, покрывали всего лишь старые, но толстые ковры.

На этом, скромная меблировка, переоборудованного под жилище сарайчика, была исчерпана.

Бахади́р кряхтя, копался в белье. Тем временем Ба (так ласково называл старушку Борька), гремя чугуном, отодвинула кочергой в сторону кольца «буржуйки». Из чрева печки, облизываясь, потянулись языки пламени. Вскоре на них зашипел чайник.

– Гебята вчега пгиходили? – спросил Бригади́р.

– Виталька был.

– Ясно. Ну, ты Ба, тегпи еще немного. Осталось еще чуток. Денег собегем еще немножко и, документы тебе, будут. А там и в интегнат или как его там... Словосочетание «Дом престарелых» почему-то застряло в Борькином горле и не захотело вылететь наружу. Фразу он так и не закончил, и сделал вид, что еще глубже зарылся в постельное белье.

– Да скорее бы уже. А-то сколько же вас бедных мне мучить.

Чайник, стоявший на печке, через несколько минут засопел сильнее, а затем, весело забулькал. К этому времени Бригади́р заменил в бабулькиной постели старое белье на свежестыренные, белоснежные наволочки, пододеяльник и простынь, которые бархатно пахли порошком, с тем самым лесным ароматом, что немало рекламируют по телевизору.

После этого он принялся распечатывать рюкзак. Вынул оттуда кусок сала, две магазинные лепешки, пачку пакетированного чая, печенье и банку варенья, предусмотрительно запечатанную не жестяной крышкой, а целлофановой пленкой. Бахади́р сделал так для того, чтобы старой женщине при необходимости было легче вскрыть тару.

Продукты Борька заботливо расфасовал по стеллажу, на котором стояла кухонная утварь. После чего подросток и старушка сели пить душистый, с ароматом малины чай. Тот самый, что принес Бахади́р. Как бы, между прочим, они беседовали о разном.

В сарайчике Борька пробыл до четырех часов дня. К этому времени дождь прекратился, небо открылось и, в воздухе заиграли золотом лучи весеннего солнца.

Когда Бригади́р собирался уходить, к бабушке пришла ее подруга – Матвеевна, одинокая старушка, которая жила в одном из многоэтажных домов неподалеку. На пороге Бахади́р бросил, что завтра придет Гарик и, взвалив на плечи рюкзак набитый постельным бельем, зашагал в обратную дорогу.

Глава 7. Первая репетиция

– Нет, сгедний палец на тгетьей стгуне. Ага, вот так, – объяснял Борька Алику как правильно ставить аккорд на гитаре. – Во, во! – одобрительно кивал он головой. – свегху бей по стгунам теперь... Ага... Давай-ка бгат теперь вот, что попгобуем. Дегжи листок, текст почи-тай, потом послушай песенку на сотовом телефоне. Спеть попгобуй. Посмотгим, какой у тебя голос. Для пения сгодится, нет.

Бахадир вручил Алику листок с текстом песни, после чего включил фонограмму на телефоне. Из динамика полился мотив. Алик, не дожидаясь пока умолкнет песня, затянул. На тонкой ноте его голос оборвался. Кирбас улыбнулся:

– Ну, с высокими-то поработаешь. С первого раза мало у кого получается.

Алик согласно кивнул. Новое увлечение ему нравилось все больше и больше.

А еще ему очень понравилась, блестящая, очень красивая электрогитара. На вид она казалась очень легкой, наверное, потому, что была тонкой. Но когда Алик попытался поднять ее, то неожиданно обнаружил, что гитара тяжелая.

«Кило шесть, наверное, будет» – вспоминая свою гантель, подумал он.

Однако тяжесть инструмента придавала какую-то уверенность. Алик сел, положил гитару на колено, погладил ее и придиричиво начал разглядывать каждую «крутилку». Три регулятора, которые были чуть ниже струн, скользили очень плавно. Как они назывались, Алик не знал и, поэтому-то он и окрестил их «крутилками».

Все это время с него не сводил глаз Кирбас. Его взгляд был внимательным, не упускал ни одного движения Алика и вместе с этим, глубоко в глазах бас-гитариста будто застряла еле заметная смешинка.

Алик мягко прокрутил регулятор, на котором было написано: «Volume». «Громкость» – сообразил он. Теперь струны гитары стали «чувствовать» каждое прикосновение гитариста, даже незначительные. Алик провел пальцем по струнам. И из колонок полился громкий, красивый звук, который, казалось, переливался всеми «цветами радуги». Алик пришел в восторг. Но все это было в самом начале. Когда они сидели в «каморе» вдвоем с Кирбасом. Санчес, Борька и Мумуня запаздывали. И как только в комнату ввалился Борька, ребята сразу же приступили к изучению инструмента и, одновременно, тестированию способностей Алика.

Несколько позже пришли и Санчес с Мумуней. По звону стекла в рюкзаке, который висел за плечами Мумуни, Алик догадался, что там у него находилось спиртное.

– Вот это – кгиф, это пего, это джэк, это низкие частоты, – водил рукой по гитаре Бригадир. – Никогда не протигай гитагу мокгой тгяпкой. Пгежде чем выдегнуть джэк, на полную опусти на микшеге кгомкость, – наставлял он.

Алик продолжал петь. И, когда он закончил тянуть очередную ноту, Санчас одобрительно крякнул.

– Неплохо! – выдал он.

У Алика действительно был красивый голос. Он даже удивился сам, когда услышал свое пение. Петь ему было несложно – он делал это уверенно, но с непривычки закашлялся. В горле что-то заскребло.

Мумня вынул из рюкзака пять бутылок пива и поставил их на стол. Пшикнул пробками и сказал:

– Ладно, харэ! Ребя, айда пиво пить.

От предложенного пива Алик отказываться не стал. Алкоголь быстро затуманил голову. В теле появилась легкость.

– Ну, ты сам-то играть хочешь? – чтобы окончательно убедиться спросил Алика Санчес.

– Да, конечно хочу! Это очень интересно, – согласился тот.

Бригадир продолжал:

– Ну, вот возьмишь домой эту гитагу, – махнул он в сторону простой шестиструнной гитары, которая стояла у стены. – Занимайся каждый день. На электгукхе икгать и на такой гитаге – одно и то же. Газучишь семь аккогдов. Как газучишь, покажем тебе какую-нибудь песенку. Попоешь, газомнешься.

До самого конца репетиции ребята сидели, пили пиво, и, чтобы поближе узнать друг друга, беседовали. За это время Алик узнал много новых слов из рокерского жаргона. Например, «лабать», что означала «играть на музыкальном инструменте».

Осмелев, он попробовал полабать на бас-гитаре, посидел немного за барабанами. Ударная установка ему показалась тоже очень интересной. Барабаны «гремели» очень громко, и, Алику казалось, что их было очень много. За «кухней», как ее называл Санчес, Алик почти ничего не видел. Весь обзор закрывали железные «тарелки», которыми были обставлены барабаны.

– Полгода хогоших гепетиций, и ты будешь классным гитагистом и певцом. А вот что такое гок, ты по-настоящему поймешь, когда впегвые выступишь на сцене! – подняв кверху указательный палец, пророчил захмелевший Бригадир.

Еще в этот вечер Алик узнал, почему Кирбаса называют Кирбасом. Оказалось, что когда-то ему очень нравилась группа «Звери». У «Зверей» в группе был гитарист с такой кличкой. Вот Кирбас, чтобы быть похожим чуточку на «Зверей», и объявил, однажды, чтобы его в группе называли исключительно только так.

Кличка к нему прижилась не только в «каморе», но и за ее пределами: в небольшом городке, все сверстники знали его только как Кирбаса. Настоящего имени, почти, никто не знал.

У Кирбаса были темно-русые волосы, слегка смуглая кожа. Его карие глаза всегда смотрели серьезно. Движения паренька были плавными и неторопливыми.

Пока Алик разглядывал Гарика, Борька «заряжал» очередной анекдот про бас-гитаристов. Откуда он их знал в таком количестве, было трудно догадаться. Только Бригадир вот уже последние полчаса то и делал, что травил один анекдотик за другим.

«Заболели как-то газ мозги у соло-гитагиста. Он пошел к доктогу. Тот говогит: оставь мозги, я тебе их подлечу. Соло-гитагист их оставил и пгопал. Доктог ему звонит, спгашивает: ты куда пгопал, мозги твои готовы, забигай. А тот отвечает: не надо доктог, я тепегь на бас-гитаге икгаю».

В конце каждого анекдота Борька громко смеялся. Было видно, что ему нравилась та комичная ситуация, в которой, в конце каждого рассказа оказывались басисты.

Кирбас, ничуточки не обижаясь, хохотал наравне со всеми. Лишь изредка подмечая: «Этот я уже слышал...» И тут же запускал с трудом ему вспомнившийся анекдот про гитариста.

Так прошла их первая совместная репетиция.

Глава 8. Музыка

Сразу же, со следующего дня, как и напутствовал Бригадир, Алик принялся учиться играть на гитаре. Первые полчаса пальцы безнадежно отказывались слушаться своего хозяина. Алик то и дело задевал то ногтем, то краем пальца струны, которых не нужно было задевать. Из-за этого гитара хрипела и отказывалась, как казалось новоявленному музыканту, красиво играть. Но через некоторое время все стало получаться. Конечно, от струн, на пальцах сильно болели подушечки. Но Алик был доволен: один аккорд держать он, все-таки, научился.

Так шли неделя за неделей. С каждым разом Алик играл все лучше и лучше и, через месяц, обращался с гитарой уже неплохо.

С того самого дня, когда он выучил первый аккорд Алик не приходил в каморку около десяти дней. Ребята сказали не приходить, потому, что толку, как они говорили, все равно никакого не будет.

– Не, ну если тебе интегесно, ты конечно, пгиходи. А так – гепетиговать тебе еще гано, – сказал ему тогда Борька.

С Борькой Алик виделся очень часто. Бригадир ему показывал новые аккорды, распечатывал на листах тексты песен. И Алик частенько сидел на балконе и напевал полюбившиеся ему «Белый снег, серый лед» или «Пачку сигарет».

Когда тетка оборвала последний лист календаря, на котором черными, жирными буквами было написано «Март», Алик умел играть уже пять песен. Он замечал, что чем больше играет, тем легче становится разучивать новые мелодии. Подушечки пальцев уже не болели. Они затвердели, стали шершавыми и потемнели от постоянного прикосновения к медным струнам.

В апреле Алик сыграл на репетиции в полном составе с группой. Петть песню, когда играли пять инструментов одновременно, было намного интереснее, чем просто под гитару.

Ребята успехами нового певца были очень довольны. Санчес говорил, что у Алика – талант. Алик особого значения этим словам не придавал, хотя, конечно ему было приятно их слышать.

Однажды вечером Борька прибежал на репетицию возбужденный.

– Пагни, сегодня Тамага Ивановна в школе говогила, что в мае будет выпускной вечег в спогтзале. Что, типа, если мы хотим, то там сыггать можем. Может лабанем чего-нибудь? – с порога выпалил он.

Предложение всеми участниками группы было встречено положительно. И в этот же вечер было принято решение составить список песен, которые можно было бы сыграть на выпускном вечере.

От мысли о выступлении, у Алика побежали по спине мурашки. Представив, как он поет и, как в этот момент, на него внимательно смотрит не один десяток глаз тех, кто учится с ним в одной школе, ему стало не по себе. Но желание выступить было сильнее, чем страх быть осмеянным. Да и падать лицом в грязь перед остальными ребятами из группы совсем не хотелось. Поэтому он отогнал волнительную мысль, успокоив себя тем, что в зале будут только свои.

Песни для концерта парни отбирали все вместе. Оказалось, что дело это непростое. Потому, что каждая песня должна была быть не только красивой, но и быть такой, чтобы голос ее исполнителя был похож по тембру на голос Алика. Да и, к тому же, чтобы она была по исполнению музыки легкой. Ведь ни у одного из молодых музыкантов не было музыкального образования. Все были такими же самоучками, как и Алик.

Кирбас, которому уже разонравились «Звери», предлагал «Раммштайн» – группу, которая исполняла тяжелый рок на немецком языке. Практичный Санчес категорично не согласился с этим предложением. При этом представив вслух, как Тамара Ивановна (школьный

завуч) после одной такой тяжелой песни за шкирку выбрасывает из спортзала всю их рок-группу.

– Не... Не пойдет! – отчаянно замотал он головой.

В итоге было решено сыграть что-нибудь «полегче».

– Что-нибудь в гайоне Цоя. – уточнил Бригадир. – Но, только «без попсятины»! – коронно поднял он вверх указательный палец.

Алику казалось, что энтузиазм, азарт, волнение и какие-то еще другие, новые, пока еще не понятые им чувства распирали его сознание. В нем все пело. Каждый день он с нетерпением ждал вечера потому, что вечером нужно было бежать на репетицию. И Алик бежал, до онемения в горле орал песни и играл на гитаре. А перед тем как уснуть, он сладко мечтал о том, как выйдет перед зрителями, как движением, уже ставшим для него привычным, накинёт на плечо ремень гитары, слегка дунет в микрофон, чтобы убедиться, что он включен, и...

В этом моменте Алика охватывало дикое волнение. Сердце в груди начинало сильно колотиться. Парнишка начинал ворочаться с бока на бок, тяжело вздыхать и, понимал, что очень боится концерта.

Но, причина его страха была не только в одноклассниках. На выпускной вечер должны были прийти девчонки из городской гимназии. В гимназии выпускной должен был пройти на неделю позже, чем в школе, в которой учился Алик. Но важно было не это, а то, что Катя была гимназисткой.

Поэтому паренек и терзался каждый раз мыслью: «Придет. А что если спою и не понравится?» Но, тут же успокаивал себя: «Да нет, наверное, не придет». Волнение отступало, он поворачивался на другой бок и засыпал. А на следующий вечер все повторялось вновь.

О своем главном страхе Алик ребятам из группы не рассказывал. Нет, он не скрывал, просто ему было немного неловко. Конечно, за последнее время они стали для него настоящими друзьями и, паренек не раз корил себя за секрет от своих товарищей. Но, все же, он предпочитал, чтобы его маленький секрет оставался его маленьким секретом. И чтобы о нем, кроме него, больше никто не знал.

Катю он никогда не видел. Только тогда, на фотографии. Алик и не хотел с ней встречаться, потому, что боялся впасть в ступор при встрече и, из-за этого, показаться ей глупым.

Он просто ее любил. И даже сам не догадывался об этом.

Глава 9. Вечеринка

Ребята репетировали очень усердно. И порой уставали настолько, что сил оставалась только на то, чтобы смеяться.

Когда находишься среди грома барабанов и громкого звука, грохочущего из мощных динамиков то, кажется, что из тебя выбивает все эмоции. Ты словно находишься в полете и настолько увлекаешься тем, что делаешь, что не замечаешь ни усталости, ни времени, а, в итоге, чувствуешь только изнеможенность.

Вот таким, изнеможенным, и в то же время радостным смехом и смеялись рокеры под конец каждой репетиции.

Алик стал замечать особенности характера его новых друзей. К примеру, Мумуня, устав от репетиции, часто после нее соображал с трудом. Иногда бывало так, что рокеры играли в игру которую придумал Борька. «Кто пегвый затупит в того нужно стгелять», – объяснил он.

«Стрельба» эта заключалась в том, что на того, кто отвечал на заданный вопрос не логично направлялся палец, сложенный в виде пистолета и произносилось слово «Бах!»

Ребята в очередной раз играли в свою стрелялку. И тут Санчес заметил, что Мумуня не играет.

– Мума, а ты что не стреляешь?

– А-а... А у меня патроны закончились! – не логично ответил тот, так как для руки, сложенной в виде пистолета патроны совсем не требовались.

«Пиф», «Пах», «Тра-та-та» – раздалось со всех сторон. А Бригадир, сложив руки так, словно держит в них базуку, выдал: «Бу-у-у».

Алик смеялся от всей души. Мумуня был «застерелен за тупняк».

В одну из апрельских суббот парни из группы «Мем» (так называлась группа в которой играл Алик) решили устроить вечеринку. Так как у Мумуни родители удачно собрались в гости к родне. Так что квартира должна была оказаться на пару дней свободной, чем клавишник и решил непременно воспользоваться.

Девушек ни у кого из музыкантов не было. Однако Санчес взял на себя ответственную миссию, заявив, что познакомит всех с самыми лучшими красотками города. Вообще-то донжуанством он не блистал, но за неимением ничего, возражать ему никто из парней не стал.

И вот настал день вечеринки. Алик стоял в подъезде и ждал, когда выйдет на площадку Бахадир, чтобы вместе с ним отправится к Мумуне.

Сенька жил недалеко и ребята через пять минут были у него. Кирбас и Санчес были уже тут. Настроение у всех было отличное. С языков не сходила тема про будущее выступление, до которого оставалось чуть больше месяца.

Водку Алик никогда не пил и, судя по всему, в этот вечер ему предстояло ее попробовать. Предчувствия его не подвели. Бригадир, весело хрустнув жестяной крышкой, принялся разливать крепкий алкоголь в стоявшие на столе пять рюмок.

Кроме ребят из группы в квартире никого не было. Еще до этого было решено, что так будет лучше. К чему посторонние? В своей теплой компании ведь намного интереснее.

Алик опрокинул стопку. Жидкость была горькой и неприятной. Горло, а за ним и грудь обожгло. На языке остался неприятный привкус, который он попытался перебить напитком. Через несколько минут в крови заиграло веселье. Язык стал более смелым и подвижным. Алкоголь начал действовать.

– Санчо, где же твои подружки? – вопрошал Кирбас.

– Звонил только что. Едут с центра. Еще пара минут и будут, – опрокидывал очередную рюмку барабанщик.

Алик сидел за столом, подперев рукой подбородок. Справа от него о чем-то спорил с Мумуней Кирбас. Бахадир глубоко затягиваясь, пыхтел сигаретой. Санчес мучал сотовый телефон, то и дело крича в динамик: «Ну, что? Вы где? А? Скоро?»

Наконец, звонок у дверей залился трелью.

– Пришли! – торжественно бросил Санчес и побежал открывать.

Подростки сразу же оживились. Кирбас приосанился. А Мумка пошел принести еще одну партию тарелок и стаканов.

– Приве-е-ет! А мы вас тут заждались! – хрустнув замком приветственно проговорил в прихожей Санчес.

– Ну, привет, привет! – отвечал ему девичий голос.

– Разувайтесь, проходите на кухню.

Алик почувствовал стеснение. Он был скромным и с девушками общался мало.

– Ну вот! Все наши кавалеры. Знакомьтесь это Мума, – перехватил барабанщик несущегося с посудой клавишника. – Это Кирбас...

В этот момент Алик поднял взгляд в сторону столпившихся в коридоре девчонок и обомлел. Совсем рядом с ним, на расстоянии меньше чем в метр, стояла Катя. Черные, блестящие волосы волнами лежали на ее плечах и груди. Девушка пристально смотрела на Алика своими голубыми, красивыми глазами.

Подросток не мог шевельнуться. В этот момент Санчес как раз представлял Алика.

– Катя! – смело протянула девушка руку.

– А... – больше промычал, чем сказал первую букву своего имени подросток, – Алик! —спохватившись выпалил он.

Алик ожидал, что раздастся взрыв смеха, которого он боялся в этот момент, наверное, больше всего на свете. Однако в тот торжественный момент это маленькое происшествие никто не заметил. Конечно, кроме самой Кати. Девчонки принялись рассаживаться за стол. Парни, каждый пытаясь показаться более интересным, пытались отпустить шуточки.

Катя присела на табурет поближе к Алику. Тот же, унимая волнение, дрожащими руками наливал очередную рюмку.

– А давай я с тобой! – улыбнулась она. – И не дожидаясь пока Алик нальет водки и ей, ловко подхватив стопку, плеснула в нее алкоголь.

– Ну, за знакомство! – весело дернув подбородком произнесла Катя и махнула спиртное.

Нужно признаться Алик за ней не поспел и теперь сидел и хлопал своими длинными ресницами. Тем временем гимназистка наливала себе еще одну порцию. И, в этот раз, не говоря тоста, быстро справилась и с ней. Глаза девушки заблестели. На щеках выступил румянец.

Алик не сводил с Кати глаз. Тем временем за столом стоял настоящий галдеж. Остальные участники группы, вместе с девчонками, громко смеясь что-то обсуждали. В их разговоре не участвовали только Алик и Катя.

– Ты откуда такой? – дернула она Алика за рукав.

– Я... – все еще не пришел в себя Алик, – С луны! – неожиданно для себя выдал он.

– Ммм... то я вижу ты такой необычный!

Алику стало приятно. Подросток почувствовал себя несколько смелее.

– А я тебя знаю! – улыбнулся он девушке. – Вернее не знаю, а видел. Э-э... там... – махнул он рукой. – На фотографии.

Они продолжали пить водку. И вскоре Алик почувствовал, что алкоголь начинает брать свое – он ощутил себя пьяным.

– Что-то с тобой совсем не то. Влюбился что-ли? – хихикнула Катя.

– Это кто тут влюбился? – неожиданно встрял в их разговор Мумуня. – Алек, не вздумай делать этого!

– Да не слушай ты его! – махнула рукой Катя, – Сенька пьяный.

Алик заулыбался. Ах, если бы Катя знала, каким пьяным был сейчас Алик! Вокруг вдруг все поплыло. Он чувствовал себя счастливым. Мумка, вдруг, зачем то перевернулся вниз головой.

– Э-эй... Что с тобой? – откуда-то издалека услышал он голос Кати. Мутный туман заволок все вокруг и, Алик провалился в пьяную темноту.

***

Наутро Алик обнаружил себя лежащим калачиком на кухонном уголке. На столе было прибрано. В квартире стояла тишина. Он прошлепал в зал, где на диване обнаружил спящего Бригадира. В надежде на то, что увидит Катю он обошел все остальные комнаты. Однако кроме ребят из группы больше никого не было. Парни спали мертвым сном. Во сколько закончилась вчерашнее веселье, Алик не знал, поскольку его просто «выключила» водка, как это обычно бывает, когда человек впервые пьет крепкие спиртные напитки.

С ужасом, подросток подумал, что его, наверное, дома потеряла тетка. Он торопливо засобирался. Но, прежде чем покинуть квартиру Мумуни, раздобыл ручку, листок и черкнул на нем: «Ушел домой. Алик». Бросил его на кухонный стол и тихо, чтобы не разбудить ребят, скрипнул входной дверью.

***

В тот день тетка задала Алику хорошую взбучку. Переживая за племянника, она не спала всю ночь и беспокойно, то ворочалась в постели, то внимательно прислушивалась к какому-нибудь шуму в подъезде.

В итоге, она решила, что Алик, боясь возвращаться по темноте, заночевал у друга и, в общем-то, не ошиблась. Только вот настоящая причина, по которой подросток провел ночь не дома, так и осталась для нее неизвестной.

Где живет Мумуня, она не знала. Ровно, как и номер телефона в его квартире. Пожилая женщина решила подождать до утра, а после пойти к Мацуехе, разузнать у нее, где живет друг племянника, и проучить обоих негодников.

К счастью, Алик пришел домой раньше, чем Клавдия Петровна отправилась на розыски. Уж она-то запах перегара, плотно заполнившего казалось, даже самые маленькие щели в квартире Мумуни, ни с чем другим бы не спутала.

Глава 10. Встреча с Катей

Весь день Алик проспал крепким сном и проснулся только вечером. Вспомнив прошлую ночь, ему стало стыдно за то, как он скотски напился и, как ему казалось, выглядел в глазах Кати не самым лучшим образом.

Пужинав, он пошел до Бригадира. Дома Борька или нет, Алик не знал, но надеялся, что друг, также как и он, из квартиры за день еще не выходил.

Бахадир действительно был дома. Только в отличие от Алика, он выглядел бодро. Был аккуратно причесан и в хорошем настроении.

- Ты дуг вчега, кажется, ногмально задал. Пгямо за столом отключился!
- Да ладно, что там. В первый раз водку пил, – отвел в сторону глаза Алик.
- А в Катюху-то втгескался, да? – продолжал подкалывать Борька.
- Долго еще вчера сидели? – ушел в сторону от темы Алик.
- Часа полтога где-то. Потом девчонки домой засобирались и мы спать пошли.
- И что... Ничего не было?
- Хм.. чего? – не понял Бригадир.
- Ну, того... для чего девчонок-то звали.
- Ах-ха-ха! – рассмеялся тот. – Так Санчес же пгосто... Ну, как, чтобы веселее было.

Машка с

Анькой же вообще еще «ни-ни»... Они еще совсем маленькие.

– Как маленькие? А Катя что, не «ни-ни»? – беспокойно спросил Алик. К тому же, ему вчера все подружки показались сверстницами.

– Маленькие. Головы еще нет совсем. А Катюха – та да, еще как не маленькая.

Алик понял, что имел в виду Бригадир. От новости о Кате, ему стало не по себе. Он почувствовал разочарование.

Бахадир, заметив мелькнувшую тень на лице друга, сказал:

– Не гасстгаивайся ты из-за девчонки какой-то. Сейчас ногмальных почти нет. Каждая – только с пеленок и сгазу в постель, – в этом месте Борька тяжело вздохнул. – Им надо машину, деньги, быть кгутым. Забудь ты пго эту Катьку! Газобьет она тебе сегдце, потом жалеть будешь. Та еще стегва!

Борька сплюнул в угол подъезда окурок и сказал, что пошел домой. Алику захотелось уйти куда-нибудь. Он смертельно затосковал по своему обрыву. О, как Алику хотелось сейчас уйти туда, к речке, где не было единой живой души. Где можно было сидеть часами наедине со своими мыслями.

Но обрыв был далеко. В тоске, подросток зашагал вниз по лестнице. Куда он шел, он не знал. Ноги его сами вели в неизвестном направлении.

Возле подъезда Алик присел на лавочку. «Как же так? Неужели Катя действительно такая плохая, как сказал о ней Бригадир? А может, нет? Может быть, она только с другими такая, а с ним, с Аликом она такой не будет?..»

В таких мыслях он просидел несколько десятков минут. И хотел уже было подняться домой, когда увидел Катю, которая, выйдя со своего подъезда, шла к нему.

– Приветик! Ну и напился ты вчера, – красиво улыбнулась она.

Алик смотрел на девушку, которая была очень красивой. Его сердце, наполненное любовью, забилося чаще.

- Я первый раз пил водку, – признался он. – Извини. Что так...
- Да ничего. Что ты так прямо. Все нормально. А что ты один сидишь?
- Да, думаю тут о всяком...

Катя оказалась довольно разговорчивой и очень веселой. Через некоторое время общения с ней, Алик забыл про свою грусть. Он просто наслаждался ее присутствием.

На лавочке они просидели до позднего вечера. И когда на небе стали уже зажигаться звезды, девушка сказала:

– Что-то уже холодно становится. Я замерзла. Пойду, наверное, домой. Проводишь?

Алику не хотелось с ней расставаться. Нерешительно, он предложил ей:

– Не уходи, если ты замерзла, я тебе дам свою куртку, – и, расстегнув молнию, скинул с себя ветровку.

– Ой, ну ты же сам замерзнешь!

– Не замерзну! Я же парень...

– Замерзнешь! – настаивала девушка. – Тогда обними меня и тебе станет теплее! – приказала она.

Алик замешкался. Требование оказалось для него неожиданным.

– Ну?! Или я пошла домой?

Выхода не оставалось и, пододвинувшись поближе, Алик обнял Катю за тоненькую талию.

По его нервам прокатилась гамма эмоций. Сказать, что ему было просто приятно сидеть, обнимая девушку, которую он любил, значит, ничего не сказать. Сердце подростка бешено колотилось. Во рту пересохло.

Катя молчала. Алик чувствовал ее ровное дыхание. Он прильнул щекой к ее щеке, вдохнул запах волос, которые пахли шампунем и, неожиданно для себя поцеловал девушку в щеку. А затем еще раз. И еще...

Катя не сопротивлялась. Она была готова к такому развороту событий. И, повернувшись к Алику всем торсом, поцеловала его в губы. От поцелуя у подростка закружилась голова. Он улыбнулся, словно сумасшедший. Ему показалось, что небо, на котором только что возшла полная, яркая луна, опустилось ниже и повисло совсем низко над землей.

Ему казалось, что это был лучший момент в его жизни!

Парень с девушкой слились в горячем поцелуе. В порыве, Алик очень сильно прижимал Катю к себе, от чего у нее перехватывало дыхание.

В тот вечер они целовались на протяжении нескольких часов, до боли в губах. И делали это до тех пор, пока не послышался крик тети Гали звавшей Катю домой.

Взяв девушку за руку, Алик проводил ее до подъезда. Условившись завтра встретиться в то же время, что и в этот день, Катя скользнула в темный проем лестничной площадки.

Алик шел к своему подъезду, ощущая себя самым счастливым человеком на земле. Он словно чувствовал за своей спиной крылья, благодаря которым он не ступал по земле, а парил. На губах еще не остыл след губ Кати. И он, прикасался к своим губам, словно пытаясь коснуться ее.

В эту ночь подросток заснул, с нетерпением ожидая, когда наступит вечер следующего дня, когда он сможет вновь увидеть Катю.

Глава 11. Свидание

Весь следующий день Алик провел как на иголках. От волнения и, одновременно, нетерпения, с самого утра он ничего не ел. И чтобы хоть как-то успокоить себя, то пытался играть на гитаре, то пытался читать книгу. Однако сконцентрировать внимание ни на том занятии, ни на другом не удавалось. Музыка получалось бессвязной. А сюжет книги казался размытым и, оттого, не интересным.

Когда на часах пробило пять, Алик накинул курточку и сбежал вниз по лестнице. На лавочке подъезда сидели несколько завсегдатаек-старушек, мирно беседовавших о чем-то.

Алик немного повертелся вокруг своего подъезда. Кати пока еще не было. Потершись еще около получаса, он расширил границы своего «обхода» от одного края двора многоэтажного дома, до другого.

Подросток прождал до восьми часов вечера. Девушки так и не было.

– Наверное, что-то случилось, – решил Алик.

Из-за неудавшейся встречи он загрустил. Мысль о том, что, возможно, с Катей сегодня встретиться не удастся, его угнетала.

Паренек присел на опустевшую лавочку возле своего подъезда, глянул на появившиеся в небе звезды – они были такими же, как и вчера – яркими и, казалось, очень близкими. В нем теплилась надежда, что девушка все же придет.

Так, в ожидании, прошел еще один час. Кати не было.

Потеряв всякую надежду на встречу, Алик поднялся с лавочки и зашагал в сторону репетиционной базы. Время поиграть на гитаре оставалось – репетиция еще не закончилась.

***

В каморе Санчес, Бригадир, Мумуня и Кирбас «рубили» отобранные для выпускного вечера песни. Приходу вокалиста они были рады. Почему он не был последние дни на репетициях, никто спрашивать не стал. Что было на руку Алику – рассказывать про Катю ребятам, у которых было о ней отрицательное мнение, ему не хотелось.

Группа «прогнала» десятку песен два раза. После чего был объявлен перерыв. Взмокнувший Санчес, которому в игру на барабанах нужно было вкладывать немало физических сил, заявил, что больше не может.

Парни рассказали Алику, что у Мумуни появилась девушка. Та самая Маша, которая приходила вместе с Катей и, про которую Борька говорил, что она «еще маленькая».

Парой Мумка с Машкой стали позавчера – в тот самый вечер, когда клавишник устраивал у себя вечеринку. Он честно признался, что одноклассница ему нравилась давно, и что он никак не мог набраться смелости, чтобы предложить ей руку и сердце.

И вот счастливый кавалер сидел и рассказывал своим товарищам, как классно целуется его подружка. Отчего у тех «текли» по бородам слюнки. Только один Алик рассказ Мумуни слушал с холодом. В этот момент он вспоминал проведенный с Катей вчерашний вечер.

Немного отдохнув, рокеры вновь взялись за гитары.

– Раз, два, три, четыре, – стукнул палочкой о палочку Санчес, после чего ударил по двум тарелкам. Одновременно с ним взял ритм на гитаре Бахадир и ударил по клавишам синтезатора Мумуня. После недолгого проигрыша, Санчес взял на барабанах ход средней скорости. В это момент подключились Алик с Кирбасом.

«С тобой я хотел узнать, что такое вместе...» – пел вокалист песню одной из популярных среди молодежи групп.

Санчес сделал переход по барабанам, Кирбас вторя ему на бас-гитаре – заезд, Борька переключил гитару на тяжелый звук и Алик, под новый удар музыки взял припев: «О-осень уже в пятнадцатый ра-а-аз...»

Композиция была сыграна безупречно. Со стороны, можно было даже подумать, что играет ее не начинающая, собранная подростками группа, а профессиональные музыканты.

После этой песни были сыграны остальные девять. Концертная программа была полностью отработана. Оставалось только отыграть ее «до автоматизма», как сказал Санчес, который был несколько постарше остальных ребят и опытнее, чтобы во время выступления не было никакой лажи.

Репетицию музыканты закончили в хорошем настроении. Они были довольны проделанной работой и результатом, от которого уже получали удовольствие.

Домой Алик возвращался с Бахадиром. Сосед делился с ним о том, что очень хочет новую гитару. И о том, что даже уже нашел покупателя для старого инструмента – Сашку, из 8-го «Б», который был согласен купить гитару за цену, завышенную в полтора раза. Алик думал о Кате и строил предположения, почему им все же не удалось сегодня встретиться.

На дворе уже была ночь. Когда подростки подходили к своему дому, их ослепил свет фар автомобиля, из салона которого раскатисто гроыхала музыка. Черная машина, притормозила возле крайнего подъезда, того в котором жила Катя. Хлопнула дверь, после чего Алик услышал голос своей любимой:

– До завтра мальчишки, приятно было с вами время провести.

– Давай, Катюха... Смотри, завтра никуда не исчезни! – слышались ей в ответ несколько голосов.

Катя вбежала в подъезд.

– Ракушка, козел! – глядя вслед взгвизнувшей шинами иномарке, сплюнул Борька.

Сердце Алика пронзила уже знакомая струйка грусти.

Глава 12. Переживания

Алик был очень разочарован в Кате. В его голове не могло уложиться то, как она с ним поступила. «Как она могла?» – с болью в сердце размышлял он. Он загрустил и перестал выходить на улицу. Разве что в школу, а после уроков сразу шел домой. Репетиции были им заброшены. В камору он уже на протяжении недели не ходил. И сколько ни звал его Борька, у Алика просто не было настроения играть на гитаре.

Дни проходили очень медленно. Алик хандрил. Придя после школы, он обычно заваливался на кровать, зарывался под одеяло, думал об измене, вспоминал родную деревню или же просто спал, не видя снов.

Бывало, что по ночам его одолевала бессонница. Тогда он закрывал в свою комнату дверь, включал свет и читал какую-нибудь книжку.

Алик мало ел и за последнюю неделю осунулся и похудел.

Клавдия Петровна, видя перемены в настроении племянника, не находила себе места.

– Алешенька, у тебя все в порядке? Ты не заболел? – спрашивала она, когда Алик в очередной раз отказывался идти за стол.

О своих переживаниях она не раз рассказывала Мацухе.

– Не знаю, что с ним творится. Ходит сам не свой. Не ест ничего, по ночам не спит! – жаловалась она.

Мацуха успокаивала тетку тем, что у Алика просто трудный возраст. Мол, нужно пережить и все наладится. В качестве примера она запускала в ход историю (конечно же, вымышленную), про племянника своей давней подруги и про то, что та, также как и Клава все переживала, переживала, а оказалось, что племянш сидел на игле – то есть, был наркоманом.

Клавдия Петровна на это крестилась и восклицала:

– Боже упаси! Да что такое ты говоришь?

Мацуха делала важное лицо и выдавала:

– Да, Клава! Вот так бывает в жизни. Ты им все силы отдаешь, а они вон какой благодарностью...

Иногда, перед сном, Алик, закрыв глаза, фантазировал. Он мечтал о том, как выйдет выступать во время выпускного и что там, среди зрителей, будет и Катя. Как он красиво споет песню (ту самую, про осень), что у всех девчонок в зале уйдет сердце в пятки. И, что Катя не будет исключением. И вот тогда-то, она-то и пожалеет, что так вот поступила с ним. Подойдет к нему, улыбнется, только Алик разговаривать с ней не станет. Он отвернется и сделает вид, будто вообще ее не знает.

От таких мыслей пареньку становилось немного легче.

Еще Алик впервые в жизни пытался сочинить песню. Он сделал это потому, что мысли о мести хоть и успокаивали, но, не на долго. Нужно было кому-то высказаться, но кому? Никого подходящего не было. Металлический звук струн утешал боль в сердце. Алик пытался изложить свои чувства и переживания в стихах. Только, пока что, ничего путного не выходило. Проблема была в том, что подросток не мог сложить несколько рифм воедино.

Однажды вечером он, по обыкновению слушал музыку. И размышлял: «отчего некоторые певцы поют некрасивые песни?» «Зачем они их сочиняют? Кто слушает эти некрасивые песни?».

Он снял наушники. Взял в руки листок, гитару и взял аккорд. «Как бы это сделать?» – размышлял гитарист, – «С чего начать...»

Слишком уж откровенно, в стихах, он решил не высказываться. И нацарапал первую строчку. Сыграл на гитаре пару аккордов, подобрал мотив. Получилось красиво. Алику понравилось. И прибавил к первой строчке вторую, а затем третью, четвертую.

Он чувствовал вдохновение. Дело спорилось и, через два часа первая песня Алика была готова. Он ее играл и пел раз за разом. И чем больше он ее пел, тем больше она ему самому нравилась. Сочиненная композиция была подростку по душе и, на следующий же день, он решил спеть ее ребятам из группы.

Про Катю и то, что случилось в тот неприятный вечер, в песне не было ни слова. Вернее было, но косвенно. В ней говорилось о девушке, у которой нет ни друзей, ни подруг. И что она сама, вернее ее нехорошие поступки, и есть причина одиночества. Так Алик выразил свои мысли.

***

– Блин, а цепляет! Спой еще раз! – попросил Кирбас когда Алик закончил петь сочиненную им песню.

Алик с удовольствием начал снова.

– Песня пгосто улет. Ее нужно готовить к выпускному. Это пегвая наша песня! – поддержал мнение Кирбаса Борька.

И не дожидаясь, что скажут остальные участники группы, Бахадир схватил свою гитару и начал придумывать партию второй гитары.

Санчесу и Мумуне композиция тоже пришлась по душе и ребята принялись все вместе ее доводить до той степени, когда песенку можно было бы сыграть всем вместе.

Трек был обработан группой за полчаса. Так быстро оттого, что дело спорилось: ведь это была первая песня, которую сочинила их группа. У всех ребят горели глаза. Музыканты то и дело обменивал мнением: «Классно!» или «Качает», «Вещь...» и так далее.

Алик был рад, что его труд не пропал даром. И решил в этот же вечер попробовать сочинить еще один стих и наложить его на музыку.

С этих пор его пробило на сочинительство. Он ходил весь погруженный в рифмы, слова, музыку. И каждый день приносил на репетицию новую песню, которая неизменно нравилась всем участникам группы. За одну неделю Алик сочинил десять песен. И ребята, воодушевленные новым талантом, который открыл в себе певец их группы, решили играть на предстоящем концерте только свои треки. А не те, что они играли на репетициях прежде – то есть песни известных исполнителей, ноты которых они подобрали на слух.

До выступления оставалось три недели.

Глава 13. Первый концерт

Все три недели ребята усиленно репетировали. Алик настоял на том, чтобы песня про осень, та самая, которую он хотел спеть специально для Кати, была исполнена. Настоящую причину того, что он рьяно защищал право «Осени» быть в списке концертных песен, он никому не сказал. Лишь пояснил, что она ему очень нравится. Никто из участников группы ему возражать не стал.

И вот настал последний день репетиции, за которой, на следующий день, группу ждал первый концерт. Традиционно прогнав список из десяти песен три раза, ребята присели отдохнуть. Песни были отыграны очень хорошо – ни один из музыкантов за всю репетицию ни разу не ошибся и не сфальшивил.

– Завтра собираемся здесь в десять утра, – помолчав немного и привыкая к тишине начал «расставлять по полочкам» завтрашний день Санчес. В школе есть свои колонки, но они слабые. Нам их мощности не хватит. Наверное, придется еще и свои везти.

Кирбас его поддержал:

– Да найдем такси... Делов-то! Здесь погрузить все минут двадцать от силы займет. А там, в школе, уже ребят попросим помочь – одним махом все вместе все перетащим в актовый зал.

– Главное чтобы вгемя на отстойку звука было и газок бы сыграть... к звуку помещения привыкнуть, – увлеченно разглядывая свои ногти, вставил Борька.

Алик сидел в выдавшем виды кресле и, запрокинув голову, пялился в потолок. Его мысли занимал завтрашний день. По нервам перекатывалась гамма ощущений: то восторг, смешанный со страхом, то радость с волнением...

Посидев в каморе, еще минут двадцать, музыканты разошлись по домам. Завтра нужно было рано вставать, чтобы успеть подготовиться к концерту.

***

Ложась в кровать, Алик думал, что не уснет всю ночь. Но, только коснувшись головой подушки, он провалился в крепкий сон. Сам того не замечая, паренек очень устал от переживаний последних дней. И теперь его организм требовал отдыха.

Наутро, не Бахади́р колотил в дверь Али́ка, как это бывало по обыкновению, а Алик стучал в дверь своего соседа. Борька появился на пороге сонным. Было видно, что, волнуясь перед предстоящим выступлением, уснул он поздней ночью.

Вместе позавтракав у Бахади́ра, ребята отправились в каморку. Там их уже ждали Санчес и Кирбас. Мумуня отправился к стоянке местных таксистов, чтобы, найти извозчика, который бы, за приемлемую цену, перевез их аппаратуру в школу.

Чтобы экономить время, нужно было все делать очень быстро. Рокеры приступили к сборам. Алик взялся сматывать микрофонные и гитарные шнуры и укладывать их в сумки. Борька разбирал барабанную установку. Санчес с Кирбасом носили колонки к выходу из здания, куда, по условию, Мумуня должен был подогнать такси.

Через полчаса вся аппаратура в беспорядке лежала на сцене школьного актового зала. В самом актовом зале школьники репетировали подготовленные к выпускному вечеру сценки и с интересом поглядывали на рокеров и их занятие. Музыканты в свою очередь расставляли в правильном порядке колонки, барабаны, микрофоны. Когда все провода были подключены и, аппаратура заработала, о чем свидетельствовало еле заметное шипение в динамиках, Санчес, обращаясь к ученикам в зале, проговорил в микрофон:

– Ребят, мы сейчас тут немного пошумим. Нам нужно отстроить звук. Вы бы пока вышли все из зала.

Однако на его слова никто внимания не обратил. В школе еще никогда не выступала рок-группа и увлеченные своей репетицией ученики решили, что Санчес просто преувеличивает: мол, ничем они нам не помешают, эти музыканты. Подумаешь, заиграет музыка. Наверное, рокеры просто выпендриваются.

Видя, что его призыв остался без внимания Санчес махнул Кирбасу:

– Ай, Киря, давай басуху с гитарой отстраивать. Фиг с ними...

Вся задача заключалась в том, что нужно было хорошо настроить звучание инструментов. Нужно было настроить аппаратуру так, чтобы «басовые» и «писклявые» звуки звучали в динамиках равномерно. А этого было добиться непросто. Зачастую процедура занимала около часа.

Кирбас набросил ремень бас-гитары на плечо, за ним взял в руки свою гитару Бахадир.

– Давайте на «Ми», – Скомандовал Санчес и дал счет: – Три, четыре...

В том месте, где Санчес должен был сказать «пять», динамики колонок туго напряглись от издаваемых децибел звука. Ученику одного из классов, готовивших праздничную сценку, звуковая волна ударила в грудь. Староста этого класса почувствовала, как завибрировало ее тело. Ее одноклассник округлил глаза, увидев как от мощности звука, мелко задрожали волосы на его левой руке.

– Гитару громче! – тыкая пальцем в Борьку, сказал в радиомикрофон Санчес. Он стоял посередине зала, откуда координировал настройку звука.

Ученики ломанулись прочь из актового зала.

– У меня звенит в ушах! – не слыша своих слов, кричала девочка в очках своей однокласснице. Та в свою очередь только видела подругу нелепо открывавшую рот.

После настройки гитар парни принялись за настройку микрофонов, которые были установлены на барабанах. Как только была отстроена и ударная, рокеры решили сыграть одну песню. Нужно было привыкнуть к звуку, который в разных помещениях был всегда разным.

В актовом зале осталась только та самая староста класса. Она сидела все это время в кресле и с интересом смотрела за всем происходящем на сцене. Признаться, ничего подобного она в своей жизни еще не видела и не слышала.

«Мемы» заиграли одну из своих песен. Староста почувствовала, как по спине побежали мурашки. По нервам прокатилось волнение. Сердце забилось чаще.

Она смотрела на то, как играет вся группа и понимала, что музыка, которая, казалось, словно обволокла все вокруг и увлекла ее за собой, делалась каждым из пяти ребят. Что каждый из них делает что-то свое и из этого получается нечто единое – то, что она сейчас слышит. Девочка не понимала и не могла разобрать, кто что играет – какие звуки издает та или иная гитара, однако она видела энергию музыкантов, их напряженные лица, их тела, покачивающиеся в такт музыке. Она понимала, что все происходит здесь и сейчас. Когда стихли последние ноты песни, которая, кстати, была очень красивой, и очень понравилась девочке, она, не удержавшись, вскочила с сиденья и пылко захлопала в ладоши. Парни, не заметившие присутствия одинокого зрителя, удивленно уставились на нее. Та, придя в себя, смутилась и побежала к дверям.

Раскаты музыки были слышны даже в кабинете химии на втором этаже. Ребята, спешно переодевавшиеся в яркие разноцветные, артистичные костюмы, насторожились: что это за музыка, так сильно грохочет?

Фойе же школы уже облетала новость о том, что на выпускном вечере будет играть рок-группа. И столпившиеся ученики с интересом прислушивались ко всему, что происходило в актовом зале. И вот все началось. Пока на сцене шли скучные сценки, рокеры, кусая от волнения губы, сидели за кулисами. Ведущие праздника заранее предупредили их:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.